

товала конструкция в виде стропильной с горизонтальной балкой, работающей на растяжение¹⁴. Очевидно, длительное бытование на Кавказе наземных круглых построек, в том числе и с центральным столбом, обязано сохранению однажды найденного принципа устойчивости. При всем том характерно, что к послевоенным годам двускатные крыши были вытеснены, судя по данным В. П. Кобычева, на всем Северном Кавказе четырехскатными. Первые остались только в Кабарде и Северной Осетии на хозяйственных постройках (с. 112). Действительно, четырехскатная стропильная крыша обладает наилучшим стабилизирующим действием при относительной легкости. Такая крыша лучше защищает от осадков, чем двускатная.

По-видимому, поиски средств устойчивости вызвали к жизни на Кавказе появление срубных конструкций. Интересно, что до сих пор здесь элементы срубной постройки применяются не только для несущих стен. Такой прием, например, мы находим в опорном столбе карачаевского дома, сделанного «поленницей»¹⁵.

Все сказанное позволяет нам перейти к очень интересному и часто дискутируемому вопросу, связанному с архитектурой северокавказских культовых сооружений. Вполне допустимо, что внутренняя стена в чечено-ингушских двухкамерных святилищах, а также внутренняя арка в осетинском святилище Соппой Сопба благодаря появлению четырех жесткосвязанных углов конструктивно обеспечивают устойчивость стен и всей постройки. Стабилизирующий эффект стены виден на Кавказе в порталных дольменах (портал в функции контрфорса). А. Ф. Гольдштейн предположил, что в облике ингушских и подобных им святилищ с двумя помещениями внутри и крутой двускатной крышей отразилось существование древнего ныне исчезнувшего на северо-востоке Кавказа жилища¹⁶. В. П. Кобычев эту гипотезу поддержал¹⁷.

Отметим, что в данном случае выражен принцип анфиладного расположения помещений, который совершенно не свойственен планировке, фиксируемой этнографами на Северном Кавказе. Но в древних и средневековых сооружениях анфиладная планировка (проходные комнаты) встречается. Представляется, что обращение к стадийному анализу планировки и к выявлению стабилизирующего воздействия внутренних стен подкрепляют правильность вывода А. Ф. Гольдштейна и В. П. Кобычева о сохранении древней формы жилища в культовых постройках.

Весь материал книги В. П. Кобычева, в том числе и сопоставление картосхем типов жилищ по трем историческим рубежам, убеждает в гибкости строительной техники, в том, что в определенный момент реализуются, казалось бы, скрытые возможности развития. Это хорошо видно при соотношении каменного и деревянного строительства. Поэтому преобладание определенного типа в данной местности — результат сознательного выбора, отвечающего хозяйственным, социальным, эстетическим и даже престижным соображениям.

Исследование В. П. Кобычева, в основе своей направленное на составление Кавказского историко-этнографического атласа, не ограничилось этой конкретной задачей; оно сконцентрировало многочисленные аспекты важнейших теоретических вопросов изучения материальной культуры. Эта глубокая, содержательная и прекрасно оформленная книга займет достойное место среди основных публикаций по истории и культуре жилища народов нашей страны.

Я. В. Чеснов

¹⁴ Там же.

¹⁵ Поляшова-Куранцева О. П. Архитектурные традиции карачаевцев. — Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 126.

¹⁶ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1977, с. 80, 82, 86.

¹⁷ Кобычев В. П. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края. — Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР 1975 г. М.: Наука, 1977, а также с. 187 рецензируемой работы.

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Сост. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников. Новосибирск: Наука, 1981. 351 с.

Рецензируемая книга — первое и пока самое полное систематизированное собрание календарных обрядовых песен восточнославянского населения Сибири. Обряды русских Сибири стали предметом серьезного изучения еще до революции, достаточно назвать труды А. А. Макаренко, П. А. Городцова, Г. С. Виноградова; а в наше время это книги М. М. Громыко, Ф. Ф. Болоневой и др. Но эти работы, за исключением исследования М. М. Громыко, касаются лишь отдельных регионов и обрядовый фольклор в них специально не рассматривается. В последнее время в Сибири развернулось широкое систематическое собрание фольклора, причем сделано и много записей обрядовых песен. Особенно ценные материалы дали экспедиции Новосибирского пединститута, руководимые М. Н. Мельниковым, и Омского пединститута под руководством Т. Г. Леоновой. Много нового материала по обрядам семейских собрал Ф. Ф. Болонев. Особо следует отметить, что эти экспедиции записали фольклор не только у русских,

но и у проживающих в Сибири украинцев и белорусов. Частично эти материалы публиковались и рассматривались в отдельных статьях, но наиболее полно они представлены в рецензируемом сборнике.

Всего в сборнике 569 текстов песен разных календарных циклов. Составители «поставили перед собой задачу наиболее полно собрать бытовавшие тексты аграрно-магических песен восточных славян Сибири...» (с. 5). Поэтому в сборнике есть перепечатки из дореволюционных и современных изданий, но основу его составили материалы, публикуемые впервые. В этом основная ценность данного издания. «Календарные песни,— пишут составители,— как правило, извлечены из пассивного песенного багажа лиц старше шестидесяти лет. Последние 40—50 лет они редко где пелись, а потому и не могли подвергнуться существенным изменениям...» (с. 16). Следовательно, сборник дает достаточно полное представление о календарной обрядовой поэзии восточнославянского населения Сибири в предреволюционные годы и первые десятилетия после революции.

В сборнике впервые представлены календарные обрядовые песни не только русских, но и украинцев и белорусов, между которыми всегда были тесные контакты, что приводило к взаимодействию и обогащению их фольклора. Без учета этого нельзя понять особенности обрядности сибиряков.

Песни в сборнике расположены по основным циклам сельскохозяйственного года: новогодние (колядки, овсеневые и щедровки, подблюдные); весенние (масленичные, веснянки, волочебные и великодные, семицко-троицкие); летне-осенние (купальские, петровские, жнивные). Каждому подразделу предшествуют краткие описания обрядов данного цикла. Цель их — «дать возможность читателю составить краткое представление о церемониях и обрядах каждого праздничного календарного цикла в отдельности, что должно послужить ключом к пониманию генезиса песен, их содержания и обрядового назначения, так как в отрыве от обряда многие песни трудно понять» (с. 17). Соображение это совершенно справедливо.

Обильно представлены в сборнике песни новогоднего (святочного) цикла. Здесь мы находим и русские колядки, в их специфических северной («виноградье») и средне-русской («овсень») формах, и характерные украинские колядки и щедровки и др. Песни эти хорошо сохраняют традиционную структуру и образность, многие их варианты отличаются высокими художественными достоинствами и могут быть отнесены к лучшим, «классическим» образцам данного жанра. Но нельзя согласиться с тем, как понимают составители «овсеневые песни». «Овсень» — среднерусская разновидность колядок, с зачином или припевом «овсень», «туасень» и т. п., пели их под рождество и в другие дни святок (образец такой песни приведен среди колядок — № 40). Составители же считают овсеневыми песнями короткие заклинательные формулы («сею, сею, посеваю...»), с которыми ребятами утром на новый год ходили по домам и «засеивали» (рассыпали разные зерна); эти песенки они объединяют с украинскими щедровками, певшими под Новый год. Однако под заклинательные песенки, особенно распространенные у украинцев, никогда не назывались «овсеневыми». Кстати, объясняя слово «овсень», составители пишут, что его «обычно связывают с древним названием января — просинец» (с. 67). Но как известно, «овсень» производят также от корня «сечь» или «овес» — и об этом надо было сказать.

Новые материалы содержатся в разделе «Волочебные и великодные (т. е. великодные, пасхальные.— В. С.) песни». Рудименты волочебных песен только недавно были зафиксированы в Сибири — в Новосибирской и Омской областях (о них писала Л. В. Новоселова). Эти записи, сделанные от переселенцев из Белоруссии или их потомков, не меняют представления о волочебных песнях как о своеобразном жанре белорусского фольклора. Но они дают возможность проследить судьбы этого жанра в новых условиях, выявить его особенности на последней стадии существования. Жаль, что в сборник не включены волочебные песни из Омской области. Песни же № 383 («сийся, родыся»), 384 («Як на Василя»), 385 и 386 («Дай тебе, господи») явно новогодние и попали в раздел пасхальных по недоразумению — так, очевидно, определили их информаторы, которые, обходя на пасху дома, стали петь и новогодние песни.

Вообще, распределяя песни по разделам, составители слишком доверяются информаторам, и порой относят к обрядовым песням и необрядовые. В раздел «масленичные песни», например, включены такие известные лирические песни, как «Утушка луговая» (№ 293, 294), «Что же ты, Ваня, разудалый молодец» (№ 303), «Всяляла бяседушка» (№ 312) и др., собственно, все песни с № 286 по № 323 не только не масленичные, но и вообще не обрядовые. Необрядовых песен много и среди семицко-троицких, есть они и среди купальских, петровских и жнивных. Сложные праздничные обрядовые комплексы с утратой аграрно-магической функции превращались в массовые гулянья, во время которых стали петь самые различные песни, и естественно, что на вопрос собирателей, какие песни пели на масленицу или троицу, информаторы сообщали именно эти песни. Составители же должны были отметить, что эти песни к обрядам отношения не имеют. Между тем во введении к «масленичным песням» об этом ничего не говорится, во введении же к «семицко-троицким песням» сказано, что с утратой магической функции песни могли отрываться от обряда и переходить в разряд необрядовых; о том же, что во время праздников стали исполняться необрядовые песни, ничего не сказано.

Есть во вступительных заметках к песням и некоторые мелкие недочеты и неточности. Так, например, в разделе о семицко-троицких песнях говорится, что во время «кумления» девушки снимали кресты, и отсюда делается вывод, что они якобы «четко осознавали нехристианский характер этого кумления и всего обряда в целом» (с. 191). Конечно, такого осознания, даже нечеткого, не было. Кресты вешали на сплетенные ветки берез и через них «кумилися», ими девушки менялись и тем самым как

бы вступали между собою в духовное родство. Это мелкие недочеты, но лучше бы было их избежать.

Книга снабжена необходимым научным аппаратом. В примечаниях указано, где, когда, кем и от кого записана песня, даны сведения об исполнителе. Имеются словари диалектных и малоизвестных слов, топографический указатель, списки собирателей и исполнителей. К сожалению, в сборнике нет нотных примеров. Собиратели понимают их значение и, например, во введении к купальским песням замечают, что большая часть украинских и белорусских песен сильно русифицирована и «зачастую национальную принадлежность их можно определить лишь по напеву и произношению» (с. 246). Нужно заметить, что мелодика песни в ряде случаев помогает определить, является ли песня обрядовой по происхождению, выявить региональную специфику.

В целом сборник следует оценить весьма положительно. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников создали полезную и нужную книгу, без которой не сможет обойтись ни один исследователь восточнославянского обрядового фольклора, интересна она для всех фольклористов и этнографов.

В. К. Соколова

Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I. Песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам. М.: Сов. композитор, 1980; 223 с.; т. II. Нартские пшинатли. М.: Сов. композитор, 1981, 231 с.

Издание пятитомной антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» предпринято коллективом фольклористов и музыковедов Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ордена «Знак Почета» Института истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР. Редактор его, Е. В. Гиппиус, определил принципы этого новаторского по своей сути издания и обеспечил их последовательное осуществление.

В состав антологии входят следующие тома: I — Песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам; II — Нартские пшинатли; III — Величальные и «плачевные» песни (песни-плачи); IV — Песни любовные, аллегорические, смеховые; V — Инструментальные наигрыши и плясовые мелодии.

Музыкальный фольклор адыгов привлек внимание выдающихся русских композиторов А. Н. Алябьева, М. А. Балакирева, С. И. Танеева уже в конце прошлого века. Они первыми записали образцы адыгских песенных напевов и инструментальных плясовых наигрышей и использовали их в своем творчестве. Но систематическое изучение фольклора адыгских народов началось лишь после Великого Октября, когда в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были созданы научно-исследовательские институты и стали проводиться музыкально-фольклорные экспедиции.

К сожалению, большинство фольклорных материалов, записанных в 30-е годы, было утрачено в период Великой Отечественной войны. В послевоенные годы собирательскую работу пришлось начинать заново. За последние 30 лет сотрудниками Кабардино-Балкарского, Адыгейского и Карачаево-Черкесского научно-исследовательских институтов собран значительный материал, который до самого последнего времени хранился в архивах этих институтов и был доступен ограниченному кругу исследователей. Между тем этот уникальный в художественном и познавательном отношении материал представляет значительный интерес не только для любителей народной музыки, но и для исследователей — этнографов, фольклористов, историков, музыковедов.

Перед авторским коллективом стояли сложные задачи систематизации фольклорных записей, их текстологического анализа и подготовки к печати, отбора для публикации наиболее характерных и совершенных в художественном отношении текстов, их нотации, перевода на русский язык и комментирования.

В издательстве «Советский композитор» вышли в свет два тома рецензируемого издания. Первый том составили песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам: трудовые, обрядовые и посвященные различным почитавшимся адыгами божествам — покровителю кузнечного ремесла Тлешшу, богу грома Шибле и др. Это первая в истории адыгской фольклористики публикация произведений самого архаичного слоя фольклора, содержащая уникальные произведения, иногда представленные единственным текстом.

Публикуемые в первом томе песни представляют значительный интерес, так как они донесли до наших дней воспоминания о многих архаических культурно-бытовых реалиях эпохи первобытного общества.

Открывают том песни, непосредственно связанные с трудом: песни пахарей, погонщиков волов при молотбе, косарей и др., исполняемые при разных видах работ. За ними следуют песни, связанные с трудом опосредованно: охотничьи, сопровождавшие обряд вызывания дождя, новогодние величальные и др. В третий раздел вошли врачевальные песни-заговоры от оспы, различных ран и травм, в четвертый — свадебные песни и мелодии, в пятый — детские песни и потешки. Завершает книгу раздел похоронных причитаний.

Публикации текстов предпослана небольшая по объему, но очень содержательная статья З. Налоева «У истоков песенного искусства адыгов». Характеризуя основные разновидности песен, вошедших в книгу, автор не только прослеживает их связь с историей создавшего их народа, но и подробно исследует их поэтический строй. В статье дается исчерпывающая характеристика вошедших в первый том песен, которые до сих пор если и привлекали внимание исследователей, то лишь в плане выяв-